

Влад Наум

ПАНОПТИКУМ

Влад Наум

ПАНОПТИКУМ

«Издательские решения»

Наум В.

ПАНОПТИКУМ / В. Наум — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507345-7

Это стихи, а не проза, Sorry — отчаянный жест! Но если «комар не подточит» в них «носа» — Здорово же! Это второй мой сборник стихов.

ISBN 978-5-00-507345-7

© Наум В.
© Издательские решения

Содержание

Паноптикум	6
В том месте прошлом	7
В четыре руки	8
Агнесса	9
Пазл	10
Квадрицепс осени	11
Не завязалось	12
Очень сильное стихотворение	13
Бабка надвое сказала	14
Изменение личных свойств	15
На январских часах	16
Орловщина	17
Пёс тишины	19
Топ-Анжелика	20
Урок	21
Что вижу	22
Ясень	23
Подкова в отброшенном копыте	24
H1N1	25
С приходом в love	26
Признаки мяса	27
Пыль времён. Письмо	28
Небо падает на землю	29
Обезьяна с гранатой	30
Функционирующий скульптор	31
Не у дел	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ПАНОПТИКУМ

Влад Наум

© Влад Наум, 2019

ISBN 978-5-0050-7345-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Паноптикум

Миропорядок не стар и не нов —
На протяжении лет
Женщины «делают мух из слонов»,
С помощью разных диет.
А получают когда муляжи,
Кормят себя на убой.
Каждый четвёртый «под мухой» мужик
«Третьим» бывает, порой.

Бога неисповедимы пути,
Даже «в князя из грязей».
Это паноптикум, как ни крути —
Редкостей разных музей.
Если ни к городу и ни к селу —
Ценный, видать, экспонат...
Женщины, плачьте, ведь я посягнул
«Делать из мухи слона»!

В том месте прошлом

Мой путь по жизни из многих сверстан,
Но выделяясь особой тайной,
Одно за степью бескрайней место
Запало в душу мне чрезвычайно.
В том месте странном, в том месте дальнем,
Где постигает зарницу скаут,
Растут деревья горизонтально;
Как иглы скалы их выпускают.
Там ночью сопки луною млечны,
А на восходе горят червонцем.
Как из-под крана вода там в речке
Бликует в свете дневного солнца...
Года поставив на чёт и нечет,
Умом вращаюсь я беспрестанно,
Как будто больше заняться нечем,
В том месте прошлом, в том месте странном.

В четыре руки

Ты будешь. Я буду ничей.
Мы, в чувствах решившие спеться,
Сыграем на арфе лучей,
В четыре руки и в два сердца.
Лишь музыка, в новом ключе.
И август не будет нам лишним,
Укутанный в тени речей,
Которые ты говоришь мне.

Агнесса

Я занят депиляцией лица.
От бритвы отвлечёт меня Агнесса,
Соседка по подъезду, слегонца
В окошке понукая пекинеса.
Мне в поводу событий и вещей,
Теряющихся в срезе мироздания,
Захочется вдруг всё узнать о ней,
Хозяйке пса и моего внимания.
Похоже, данью моде завела
Песочного девица пекинеса
Да утренний крутой загиб двора,
Под стать крутому имени Агнесса.
Когда-нибудь я, с места как варяг
Сорвавшись, как в последний ринусь бой. И
Мне избежать удастся передряг,
Взаимозаменяемых с любовью.

Пазл

Я разгадал, как в этот пазл
Сложить кусочки. Но ни разу
Меня не утешает фраза:
«Теперь вы знаете, что делать».
Вот если бы кусочки эти
В другом отметились сюжете,
В котором мы с тобой и дети...
И место на столе под пелядь...

Квадрицепс осени

Квадрицепс осени выталкивает утро.
Шуршат купюры сердцевидно под ногами.
Пulверизован вердепешевой пудрой
Кусочек взгляда, а в оттенках полигамен.
Стеклу оконному, как всей архитектуре;
Пернатым, спешно собирающим пожитки;
Кусочку взгляда, даже, дождь акупунктурен,
На слух шершавый как наждак, на ощупь хлипкий.
Тоска зелёная опутывает тиной —
Кровоизлит я, до крови кусая губы.
На ощупь мыслей собирается картина,
С необходимостью собраться самому бы.

Не завязалось

Всё как-то неопределённо.
Сумбурно, я сказал бы даже.
«Острые» углами листья клёна —
Мой личный юмор не улажен.
Вверху царит неразбериха,
А у просёлочной дороги
Оранжевеет облепихой
Последний уровень тревоги.
Разлившись серой пантомимой,
Вода не отражает радость.
И не срослось, не завязалось.
И шло себе тихонько мимо...

Очень сильное стихотворение

Очень сильное стихотворение
Ходит в «зал» по десять раз на дню,
Для энергии используя варенье,
А белок для мышц и стилия «ню».
Поиграет бицепсом умело,
Наломает лирикою дров,
Не взирая, что быть сильным телом
Как-то не нормально для стихов.
Очень сильное стихотворение
В книге Гиннеса отметится вот-вот.
Только жаль, его как силы гения
В толк никто серьёзно не берёт.
Не грусти, стихотворение сильное,
Самое большое из верзил,
Просто нет на странности «стихийные»
У людей ни времени, ни сил!
Ты бросай ка протеиноблудие,
А прими совет мой небольшой:
Запишись в кружок естестволюбия
Да ходи с накачанной душой!

Бабка надвое сказала

«Бабка надвое сказала»,
Что зима впадает в кому —
В марта середине самой
Воздух ледянее колы.
Руки в брюки из велюра..,
В шапку голову, по уши...
Не погода, а халтура —
Вывод просится наружу.

Изменение личных свойств

Изменение личных свойств...

Только чтение...

Да и то... не читай мне нотации!

На январских часах

*На январских часах лишь пятнадцать ноль ноль.
В доме окна себя очерняют пейзажем.
И хотелось бы мне не испытывать боль,
Только дом этот наш словно мат трёхэтажный...*

*Непременный закон распорядка презрев,
Разливается лень по молочным суставам.
Командиры*, собрав с нас обеденный «грев»,
Закатили пирушку неполным составом...*

*За казённым окном завывает метель.
На стене нацарапан постскриптум: «Здесь были...»
Шита белыми нитками здешних детей
Непростая судьба – «не пришей хвост кобыле»...*

**старшеклассники, для порядка приставленные
к младшеклассникам.*

Орловщина

Молодое моё зелено
С широтой твоих лугов
И немножечко забелено
Придыханием облаков.
Ручейки твои, урчащие
В буераках на меже,
По утрам слегка смолящие,
Но всегда во мне уже;
Да Будиловские лес с прудом
(Сон блаженный наяву)
По живому золотым гуртом
В памяти моей плывут.
Необъятная и вечная,
С горсткой тихих деревень —
Где колодец изувеченный,
Где калитка набекрень.
Вся лесисто-чернозёмная,
Вся мирская из себя.
Средь хлебов твоих казённых
Есть и место для меня:
ЖД-станция Скорятино:
Вдоль Будиловки прогон;
На Васильевку, Иваново
Общий спуск за полотном.
Тридцать соток огородные
Да садовые, с лица,
С неимением дородного
Изразцового крыльца.
По утрам грибы масляточки,
Вечерами караси,
Днем прополотые грядочки
Да дровишки из осин.
Твои тайны величавые
Разгадать я не берусь.
Родилась моя здесь заново
По местам российским грусть.

Эх, Рассеюшка – рассеянье
Перелесков на меже,
Ты плывёшь на загляденье,
Как девица в неглиже.
И рассеян я не от роду,
Не от году – лишь когда
Ты отращиваешь бороды:
Сена хрумкого стога.

Молодое мое зелено
С высотой твоих дубов.
И цвести тебе без времени,
И во веки быть веков!

Пёс тишины

Если пёс тишины на округу всю лаёт
Да от сердца восторг своего отрывает,
Ты вилянье хвоста не прими за наживку!

Если воздух, сырея, становится жидким;
Если воздух, серея, становится тёмным —
Там, где небо рваней – голубые проёмы.

Если с лаем рискнуть заиграться до грыжи;
Если вечер заря языком своим лижет;
Значит, псу тишины ты становишься ближе.

Топ-Ангелика

Я не опальный борец с клише, но
Как-то безлико
Все называют тебя Анжелой;
Ведь ты Ангелика.
В мире, для нас и для всех, по-сути,
Равно-великом,
Степень с тобою сравнений будет
Скромней, Ангелика.

Стоит ли ждать от сумбурных мыслей
Нижнего пика,
К лику святых лишь тебя причислив,
Топ-Ангелика?
Пусть застилаешь ты разум раем,
Райская птица,
Верить глазам, будто ты живая,
Я приловчился.

Урок

Он вскочил, почесал алопецию.
«Не сработал будильник» – подумал.
Из себя извлекая Венецию
Сна осколками, вытряхнул в урну.
Прикурил сигарету от пламени
Зажигалки с мурой на английском
И, вчерашней простудой раненый,
Засмотрелся коленным мениском...

Утро в нас, зачастую сумбурное,
Мудренее вечернего виски.
Только годы не стряхивать в урны бы,
Да не пить до свинячьего визга.

Что вижу

Что вижу, о том пишу.
Не горлом беру, конечно;
Но в силе есть центробежной
И мой повседневный шум.
Бегу ль по воде, резвясь;
Творю ли, сомнений полный —
Всего набегают волны
В людскую взаимосвязь,
Чьей сути живая нить:
Мир соткан из интонаций,
Пытающихся назваться
И здорово наследить.

Ясень

Нет, голове моей не ясен
План мироздания. Подумай,
Зачем в овраге дальнем ясень
Трясёт зелёной шевелюрой?
Стоит – ни холодно, ни жарко;
Привык разбрасываться тенью.
И на дрова отправить жалко,
И так нужны зимой поленья.
Пусть и гигант, но простофиля —
Не может сладить с человеком.
На днях троих таких спилили
Пилой «серебряного века».
Потом дрова рубил я с пылом —
Гореть в печурке будут с хлёстом.
Но помню, как мне жалко было
Пусть и заброшенные гнёзда.

Подкова в отброшенном копыте

Стирает солнце в шифере настилов
Дневные простыни и прячет в прах.
Той ночью, что она мне не простила,
Не «наставлял рогов» – был «на рогах»...
Не озарятся в свете тех событий
Как эти простыни мои те дни...
Найдёшь ты в мной «отброшенном копыте»
Подкову, то раскинь..: «А стоит ли..?»

H1N1

Что-то больше не хочется мне
Лист разить острых мыслей копьём —
H1N1 по весне
Оккупировал тело моё.
Он забрал у меня аппетит —
Сам не ест да другим не даёт.
Телевизор всё время твердит,
Что насилие в мире живёт.
Соглашусь, я ведь сам пострадал —
Завернувшийся в бежевый плед,
Пожиная лекарств арсенал,
Я в себе навожу марафет.
Полу-мысли моих полу-снов
Констатируют факт: «полу-жив».
А табло электронных часов
Словно «файнэл каунт даун» – на взрыв.
Не насилует скважину ключ,
Заперев от меня «трудодни».
И валяюсь я, полу-живуч,
Полноценному трупу сродни.

С приходом в love

На фоне неба аметиста
и в лапах трав
тебя приятно так мне тискать,
с приходом в love.
Смотреть на дали близоруко
нам не к лицу.
Не пропускай вперёд разлуку —
не на плацу!
Тебе не выйдет это боком,
когда я «прусь»...
А скажешь мне: «Побойся Бога!» —
то побоюсь.

Признаки мяса

Холод ложится на кожу шрапнелью,
Не замечала?
Чувства имеют тупое начало —
Закостенели.
Мысли имеют все признаки мяса,
Раз кровоточат.
Сосредоточенней всех средоточий
Ход их и вязок.
Миг вождения, будучи ранен,
Вздёрнут на рее.
Гул... одобрения схожесть имеет
С бурей в стакане.

Пыль времён. Письмо

Ты мне конечно не ответишь,
Но я ловлю себя на том,
Что в голове своей как ветер
С тебя сдуваю пыль времён.
Любимая моя сестрёнка,
Тогда свою, на злобу дня,
Я жизнь «раскладывал по полкам»
Ту, что сложилась до тебя.
Пишу тебе, не ожидая,
Что адресат прочтёт письмо —
Дни до сих пор нас не сближают;
Но не на злобу, а на зло.
На злобу дня случилась новость,
Что где-то в городе большом,
Неся в себе его суровость,
Случились вы мне вчетвером:
Братишка, брат и две сестрёнки.
О маме нашей промолчу,
Ведь ты витаешь в недомолвках,
Таких как «слышать не хочу...»

Нельзя сказать, что жизнь сложилась,
Поскольку нос ты воротишь.
Ответь, сестрёнка, мне на милость,
Как так сложилась наша жизнь,
Что непричастность нас друг к другу,
Поймав инерцию свою
Из заколдованного круга,
Дела срубает на корню?
Что наши следствия исходят
Не из поступков, а с нуля —
Не следуя своей природе,
Поэтому на злобу дня?
В моих словах ты находила
Тебе лишь видимый подтекст;
А я, как тот «судья – на мыло»,
Имел из этого краш-тест...

Нет, я не жду, что ты ответишь,
Сто раз поймав себя на том,
Что в голове своей как ветер
С тебя сдуваю пыль времён.

Небо падает на землю

Небо падает на землю
Постепенно, неустанно.
Контурь деревьев дремлют.
Умиротворённо стало.
Там, где Богу не по силам
Взять печаль мою на мушку,
Чешет крышу апельсином
Деревенская избушка.
Вечереет безоглядно —
Взгляд стреляет рикошетом.
Тишина как ноги ватна,
Семящие с фуршета.
Караулят тайну века
Ветки, заплетаясь в сети.
Дом беремен человек,
Что теплом хозяйство метит.
На столе здоровьем пышет
Каравай – силач, походу.
Апельсин скатился с крыши
И уже целует воду...

Обезьяна с гранатой

Я слегка красивый в области ума,
Ты шикарна просто в выпуклых районах.
Совместить красоты – всё, что нужно нам,
Чтобы стать единым целым, одарённым.

Я люблю войнушку до корней волос,
А в тебе жеманство числится изъяном.
Совмещать... не надо – даже не вопрос!
Мы ведь не хотим с гранатой обезьяну?

Ты собой довольна до мозгов костей.
Я тобой люблюсь из глазных отверстий.
Отвлекись, родная, приготовь постель —
Можно совместить желания быть вместе!

Функционирующий скульптор

Кого для счастья неземного
Возносит к небу катапульта,
А я, и в сорок, с лишним, Вова,
Функционирующий скульптор.
«Леплю горбатого», наверно,
Но вижу в том «искусство – в массы».
Привычно мне, «функционеру»,
Носить рабочие лампасы.
И я скажу тебе невинно,
Хоть ты услышать не хотела,
Что в этих пальцах мнётся глина,
Напоминая чьё-то тело.
Мой стек, песчинка, из орудий,
Срезает, не боясь поранить.
А то, что вышло, есть, по-сути,
Передающаяся память.

Не у дел

Поэтом я могу не быть,
Но гражданином быть обязан?
Во мне сидит другая пруть —
«Не по зубам» крылатым фразам.
Отчасти лишь я принимаю
Духовной пищи пантомиму,
Коль жизнь гримасничает с нами:
«Из кожи лезть» – быть гражданином.
Как этот мир не рифмовать,
Не оживлять тем самым будни?
Как ощущать, ложась в кровать,
Как «выливаются в трубу» дни?
Как гражданин я так себе —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.